

Гу Яо проснулся, когда за окном уже совсем стемнело. Погода сегодня с самого утра стояла пасмурная, и едва перевалило за шесть, как город накрыла густая мгла.

В гостиной горел лишь тусклый настенный светильник — наверняка его оставила Цици. Она знала, что после сна у Гу Яо часто падает уровень сахара в крови, из-за чего зрение становится нечетким, и ему требуется время, чтобы прийти в себя. Поэтому, если он засыпал днем, она всегда оставляла свет, чтобы он не наткнулся на мебель.

Он не стал спешить вставать, а лежал, глядя в темный потолок. Кажется, легкий жар спал, голова больше не кружилась, а значит, сил на предстоящий бой хватит.

Именно, бой. Так он называл каждый свой визит в дом Гу. Теперь, когда он был один, Гу Минъюань уже не мог его ничем запугать, и оттого он был бесстрашен.

Гу Яо медленно поднялся с дивана, жестом отдал команду умной системе включить свет во всех комнатах, встал, взъерошил волосы и, зевая, побрел в гардеробную за свежим бельем, а затем в ванную.

Его волосы сейчас отросли до плеч — он отращивал их для роли в исторической драме, где играл подавленного молодого рок-музыканта. В ту эпоху рок был синонимом бунта и несбыточных мечтаний, а личная трагедия героя служила отражением социальных перемен и культурного сдвига.

Сам Гу Яо длинные волосы не жаловал, особенно летом: от них его и без того взрывной характер накалялся еще сильнее. Он решил на днях записаться к своему мастеру, чтобы состричь эту шевелюру и сделать нормальную стрижку.

На третьем курсе нагрузки были не такими уж большими. Он как раз получил роль второго плана в костюмированном сериале, съемки шли интенсивно, но режиссер оказался сговорчивым и подстраивал график под его занятия.

В начале лета на севере уже начинало припекать. Гу Яо не хотел носить парик, поэтому отращивал свои, а когда ленился мыть голову, как осьминог, прилипал к Шэнь Юю, требуя, чтобы тот его помыл. Обычно это заканчивалось шумной возней.

Шэнь Юй обожал его длинные волосы, особенно в определенные моменты, когда это пробуждало в нем властность и маниакальное желание контролировать. Он мог часами изводить Гу Яо, казалось, обладая неисчерпаемой энергией и выносливостью.

Тьфу, опять вспомнил этого мерзавца! Гу Яо скривился. С досадой подумал: пусть только попадется мне на глаза, я ему... я ему такое устрою! Хотя что именно, он пока не придумал.

Выйдя из ванной, он натянул в гардеробной белую футболку и джинсы — свой привычный,

неизменный со студенческих лет образ.

Видимо, перспектива визита в дом Гу вызывала у него тошноту — аппетита не было вовсе. Он выпил овощной сок, приготовленный Цици, нацепил темные очки, закрывавшие пол-лица, и вышел.

В дом Гу он всегда ездил сам. Сегодня он выбрал ярко-желтый Continental. Гул двигателя резал слух, а машина, словно острая молния, неслась по дороге — вызывающе, дерзко, совсем не в его обычном сдержанном стиле.

Гу Минъюань всегда твердил, что актерство — это несерьезное занятие, позорящее фамилию Гу. Что ж, раз так, Гу Яо решил довести это несерьезное занятие до абсолюта: он мастерски освоил все, что отец считал порочным, и теперь вовсю использовал это, когда приезжал к нему.

Коттеджный поселок, где жил Гу, был самым дорогим в городе. Он располагался в горах на окраине, домов было мало, но занимали они огромную территорию. Этот проект был гордостью Гу Минъюаня: его даже не рекламировали, все участки были выкуплены «своими». Здесь жили лишь две категории людей: политики и бизнесмены. Без преувеличения, этот поселок держал в руках пульс всего города.

Гу Яо часто думал, что инспекторам стоило бы как следует проверить это место — одного такого рейда хватило бы, чтобы закрыть все вопросы с бюджетными дефицитами и премиями на годы вперед.

Машина проехала через ворота и плавно остановилась у парадного входа. Услышав звук мотора, дворецкий Цянь И поспешил навстречу.

— Дядя Цянь, давно не виделись! Вы помолодели, — Гу Яо вышел из машины, чуть сдвинул очки на нос и одарил его нагловатой ухмылкой.

— Добрый вечер, старший господин, — Цянь И подошел ближе и понизил голос: — У хозяина сегодня тяжелый день из-за дел в компании, так что придержите язык, не провоцируйте его.

— Пф, а когда он был в хорошем настроении? — Гу Яо пренебрежительно фыркнул, бросил ключи Цянь И и, не дожидаясь приглашения, толкнул дверь.

Цянь И посмотрел ему вслед и лишь тяжело вздохнул, покачав головой.

Гу Яо вошел в гостиную. Гу Минъюань сидел на почетном месте и пил чай, Тун Лили присматривала за тем, как ест Гу Хаочжэ. Идиллия, ничего не скажешь.

— О, все в сборе, — Гу Яо снял очки, небрежно бросил их на стол, прошел к соседнему дивану и

развалился на нем, закинув ногу на ногу. Глядя в сторону кухни, он крикнул: — Матушка Чжоу!

— Иду, иду! — сорокалетняя женщина быстрым шагом вышла из кухни. — Старший господин вернулся.

— Что вкусненького приготовили? С порога учуял запах, — Гу Яо улыбнулся ей.

— Твое любимое мясо восточного ерша на пару, еще привезли отличную говядину, я ее уже замариновала, — ответила Матушка Чжоу. — И твои любимые пирожки с желтком только что из печи, возьмишь с собой, когда поедешь.

— Я тоже люблю пирожки с желтком! — подал голос Гу Хаочжэ, поднимая голову от миски. Его лицо было таким пухлым, что глаза превратились в узкие щелочки.

Тун Лили поспешно шлепнула сына по руке и, посмотрев на Гу Яо, ласково произнесла:

— Яо-Яо приехал?

Только что прикидывалась, что не замечает, а теперь вдруг вспомнила о хороших манерах?

Гу Яо повидал немало таких святош и прекрасно знал, как с ними обращаться:

— Не называй меня так, мы не настолько близки.

Гу Минъюань с грохотом поставил чашку на стол:

— Гу Яо! Как ты разговариваешь со старшими? Я тебя этому учил?

— Старшими? С ровесницей, что ли? — Гу Яо усмехнулся. — Чему учил? Управлять гаремом?

Гу Минъюань побагровел, готовый взорваться, но Тун Лили вовремя положила руку ему на плечо.

— Минъюань, Яо-Яо так редко заезжает, поговори с ним по-хорошему, — сказала она тоном хозяйки дома. — Матушка Чжоу, все в сборе, подавай на стол. Хаочжэ еще с порога говорил, что проголодался, все терпел.

При его-то комплекции пара пропущенных обедов пошла бы только на пользу, подумал Гу Яо, закатив глаза.

Тун Лили когда-то была личным секретарем Гу Минъюаня. Никакими особыми талантами она не обладала, все ее старания уходили на то, чтобы следить за лицом и ублажать босса.

Бай Мэй, мать Гу Яо, вскоре после его рождения, согласно их с Гу Минъюанем договоренности, начала стремительную карьеру. Она настолько преуспела, что порой месяцами не вспоминала о существовании сына. Их брак с Гу Минъюанем никогда не был союзом по любви — лишь сделка. И Гу Яо был плодом этой сделки, нежеланным и нелюбимым.

Из всех женщин Гу Минъюань выбрал Бай Мэй за ее красоту, утонченность и высокий интеллект. Несмотря на то что она была актрисой, Бай Мэй окончила юридический факультет престижного университета — настоящая интеллектуалка, женщина амбициозная и расчетливая.

Сейчас Бай Мэй была на вершине актерского олимпа, ее положение в индустрии было незыблемым. Ее слово было законом, и все это — результат сделки с Гу Минъюанем. В противном случае она осталась бы лишь рядовой актрисой провинциального театра.

<http://bllate.org/book/20926/2118109>